

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВПО «Саратовский национальный исследовательский университет
имени Н.Г. Чернышевского»

Н.Г. Шаповалова

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ

Направление подготовки
бакалавриата/магистратуры/специалитета/аспирантуры
37.04.01 Психология

Саратов 2016

Шаповалова Н.Г. Дискурсивный анализ: учебное пособие. – Саратов: Изд-во СГУ, 2016. – 61 с.

Пособие адресовано всем представителям социального блока научного знания: психологам, антропологам, философам, социологам, историкам, педагогам, юристам и специалистам по теории коммуникаций (прежде всего массовых). Оно направлено на подготовку нефилологов к проведению самостоятельного дискурс-анализа в рамках их междисциплинарного или мультиперспективного исследования, посвященного какому-либо коммуникационному, культурному и общественному явлению.

Наибольшее внимание в пособии уделяется одному из наиболее значимых дисциплинарных направлений дискурс-анализа – дискурсивной психологии. Рассмотрены основные положения этого подхода. Дана расшифровка его центральных понятий, определены методологический и методический инструментарии.

Рецензент: к.ф.н., доцент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»
Н.Б. Степанова

Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности по заданию № 2014/203, код проекта 1549.

ВВЕДЕНИЕ

Дискурс-анализ (дискурсивный анализ, анализ дискурса) – сравнительно новое междисциплинарное направление, посвященное исследованию особенностей функционирования языка в различных сферах социума (дискурсах) [Кэмерон 2015: 23].

Этот метод научного исследования зародился и развивался в рамках науки о языке – языкознания (языковедения, лингвистики). Однако он все активнее используется представителями других гуманитарных наук: психологии, антропологии, этнографии, философии, социологии, истории, педагогики, юриспруденции и теории коммуникаций (прежде всего массовых). Дискурс-анализ позволяет им исследовать представления людей о том или ином фрагменте реальности, которые отражаются в их речи.

Это знаменует собой существенную методологическую переориентацию гуманитарного знания, разрыв с классической нормативной философской методологией и одновременно способ выхода за традиционные дисциплинарные границы когнитивной, т.е. исследующей познавательные процессы, психологии. «Термин “дискурс” выступает, тем самым, как лозунг и символ новой гуманитарно-научной парадигмы, формирование которой происходит в наши дни» [Касавин: Эл. ист.].

Все чаще отказываясь от анкетирования (от франц. *enquete* ‘список вопросов’), гуманитарии прибегают к методу устного опроса (беседы, интервью). Это предоставляет информантам возможность исследовать вопрос, интересующий ученого, по-своему, говорить о нем своими словами.

Запись, специальная транскрипция и анализ таких разговоров выявляют наиболее важные составляющие объекта исследования – повторяющиеся темы бесед. В результате ученые получают важные сведения об объекте научных изысканий, вовлекая людей в интересное, живое общение. Следовательно, им не приходится моделировать неестественную

или непривычную для информантов ситуацию, как того требуют многие научные методы гуманитариев [Кэмерон 2015: 33-35, 39].

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Тема 1. Предпосылки возникновения дискурсивного анализа

В современной науке термин «дискурс-анализ» («дискурсивный анализ», «анализ дискурса») используется в качестве обобщенного названия различных направлений науки о языке, в центре внимания которых находится дискурс. Они тесно связаны с коммуникативно-прагматической лингвистикой – междисциплинарной антропоцентрической дисциплиной, «в которой целесообразно интегрированы базовые категории коммуникативной и прагматической лингвистики для изучения механизмов речевого воздействия и исследования прагматических свойств языковых единиц в нескольких аспектах, связанных с 1) субъектом речи; 2) адресатом, их стремлением к взаимному воздействию и 3) ситуацией общения» [Комарова 2013: 357].

Их появление обусловлено оформлением в науке о языке коммуникативно-прагматической парадигмы, становление которой относится к 60-70-м годам XX века. Она сформировалась на основе всех имеющихся к тому моменту достижений лингвистики, прежде всего теории номинации, теории референции, теории речевых актов [Там же: 373] и теории речевых жанров (генристики, лингвистической генологии) – разновидностей речи (речевых произведений), которые характеризуются типовым строением, спецификой использования языковых средств, адресата, коммуникативными намерениями, ситуацией общения и проч. [Стариченок 2008: 523-524].

«Основным постулатом данной макропарадигмы является принцип «интегративности, синтезирующий *антропоцентричность* и *системоцентричность*, а также *функциональность*, при котором движение функций идет в направлении: *от функций, значений, коммуникативных целей и намерений* к имеющимся в данном языке средствам, к формальным показателям [Сусов 2007: 29]. При необходимости могут учитываться и

паралингвистические средства в вербальной коммуникации [Колшанский 2010]» [Там же: 374].

В дискурсивном анализе эти основополагающие постулаты дополняются сведениями, полученными из психологии, социологии, культурологии, этнографии, стилистики, философии и семиотического направления литературоведения. В частности, его методологическую основу составляют выдающиеся труды представителей структурализма (Р. Барт, Ц. Тодоров, У. Эко), филологии (М. Бахтин, В. Пропп), постструктурализма (А. Греймас, Е. Ландовский), семиотики (Ч. Моррис), нарративного анализа, социолингвистического анализа речевого общения (У. Лабов, В. Щеглов, Г. Сакс) и прагматики (Дж. Остин, Дж. Серль, Г. Грайс), лингвистики текста (Э. Косериу, В. Дресслер, Т. ван Дейк), а также работы в области искусственного интеллекта (Р. Шэнк, Р. Абельсон).

В разных странах существуют свои школы дискурсивного анализа (американская, французская, русская, немецкая, голландская и т.д.), которые обмениваются опытом и оказывают взаимное влияние друг на друга.

Вопросы для самопроверки

1. Что такое дискурсивный анализ?
2. В какой науке он зародился и прошел первые этапы становления?
3. С какой макропарадигмой языкознания он связан? Каковы ее постулаты?
4. Влияние каких направлений научного знания обуславливает междисциплинарный характер дискурсивного анализа?
5. С какой целью к дискурсивному анализу все чаще прибегают представители различных гуманитарных наук?

Тема 2. История научного изучения дискурса

В переводе с латыни «дискурс» означает «рассуждение, довод, аргумент, разговор». Слово восходит к глаголу *discurrere*, который имеет несколько значений:

- 1) бегать туда и сюда, бегать в разные стороны, разбегаться;
- 2) растекаться, распадаться; разделяться;
- 3) распространяться;
- 4) рассказывать, излагать.

Таким образом, согласно происхождению (этимологии), «дискурс» – это обмен высказываниями между участниками общения. Отсюда обыденное понимание дискурса как разговора, диалога, беседы [Касавин: Эл. ист.].

Основные положения дискурсивного анализа были сформулированы представителями структуральной и постструктуральной лингвистики. Они утверждали, что:

1. язык не просто отражает окружающую действительность;
2. воплощаясь в речи, он служит средством создания и модификации структуры множества дискурсов, в каждом из которых обсуждаемое явление получает самостоятельное значение;
3. функционирование структуры дискурса можно проследить с помощью анализа специфических контекстов, в которых используется язык.

В широкий научный обиход термин «дискурс» был введен бельгийским лингвистом Эриком Бюиссансом. Исследователь уточнил представление основателя структуральной лингвистики – швейцарского коллеги Фердинанда де Соссюра (1857-1913) – о дихотомии двух компонентов речевой деятельности (*langage*) – языка (*langue*) как абстрактной многоярусной системы знаков и речи (*parole*) как ее воплощения. Он предложил называть дискурсом то, что соединяет язык и речь, но характеризуется большей конкретностью, чем речевая деятельность.

Впоследствии понятие «дискурс» получило множество расшифровок. Однако, по большому счету, история дискурсивного анализа насчитывает три этапа осмысления и изучения дискурса.

Наиболее ранний из них связан с именами представителей англосаксонской лингвистической традиции: Зеллига Хэрриса, Кеннета Ли Пайка, Гая Кука, Деборы Шиффрин, Дэвида Кристала, Малькольма Култхарда и др. Они понимали дискурс как реальный диалог, разговорно-бытовую коммуникацию (прежде всего устную), включенную в широкий коммуникативный контекст. Важно отметить, что само понятие «дискурс-анализа» было введено в статье «Discourse Analysis» (1952) американского лингвиста Зеллига Хэрриса (1909-1992). Ученый определил его как метод изучения движения информации в дискурсе и разработал ряд основополагающих идей данного научного направления.

Основатель второго подхода – голландский лингвист Тён ван Дейк (р. в 1943) – определял дискурс как письменный или устный продукт коммуникативного действия, который можно рассматривать в собственно лингвистическом и экстралингвистическом аспектах.

Еще одно понимание дискурса было предложено представителями французской семиотической школы: Альгирдасом Жюльеном Греймасом, Жозефом Курте, Луи Альтюссером, Жаком Лаканом, Мишелем Фуко, Эмилем Бенвенистом, Патриком Серио. Они определяли дискурс как комплексную систему человеческого познания и коммуникации, которая складывается в обществе исторически, обуславливает содержательно-тематическую совокупность многих текстов (дискурсивного корпуса).

Сейчас этими определениями активно пользуются все современные гуманитарии. При этом представители различных направлений дискурсивного анализа употребляют термин «дискурс» в различных (зачастую противоположных) значениях.

Вопросы для самопроверки

1. Какова этимология термина «дискурс»?
2. Кто является его создателем?
3. Каковы этапы изучения этого понятия?
4. Кто их основатели?
5. Какого понимания дискурса придерживаются представители каждого из них?

Тема 3. «Дискурс» как многозначное понятие

В гуманитарных дисциплинах распространены три определения дискурса. Первым пользуются представители риторики и теории аргументации. Второе выработано лингвистами. Третье распространено в остальных отраслях гуманитарного блока.

В риторике и теории аргументации пользуются расшифровкой термина «дискурс», которая близка его обыденному пониманию. С их точки зрения, дискурс – особый тип разговора, при котором происходит обмен доводами, доказывающими или опровергающими какое-то мнение.

Лингвисты, не придя к единому мнению относительно расшифровки «дискурса», предлагают следующие трактовки понятия:

- 1) связный текст;
- 2) устно-разговорная форма текста;
- 3) диалог;
- 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу;
- 5) речевое произведение как устная или письменная данность;
- 6) высказывание, включенное в коммуникативную ситуацию;
- 7) речь, погруженная в жизнь;
- 8) текущая речевая деятельность;
- 9) высказывание в его взаимосвязях с коммуникативной ситуацией;
- 10) завершённое коммуникативное событие.

Наиболее значимые из них соответствуют трем аспектам изучения дискурса в лингвистике:

- 1) формальному;
- 2) функциональному;
- 3) ситуативному.

В первом случае дискурс понимается как «язык над предложением», т.е. два или несколько предложений, связанных по смыслу. Во втором случае он рассматривается как «язык в действии» – совокупность единиц языка, выбор которых обусловлен целями и ситуацией общения. В последнем случае дискурс описывается как совокупность социальных, психологических и культурных факторов общения.

Совмещение этих подходов позволяет лингвистам определить дискурс как «связный текст, взятый в событийном аспекте» [Стариченок 2008: 177], «интерактивную деятельность участников общения, установление и поддержание их контактов, оказание воздействия друг на друга на эмоциональном и информационном, вербальном и невербальном уровнях» [Там же].

Таким образом, в лингвистических исследованиях дискурс рассматривается в совокупности с интралингвистическими (словесно-интонационными и проч.) и экстралингвистическими (социальными, культурными, психологическими, прагматическими и др.) факторами. Такой подход позволяет выявить отраженные в нем идеологические убеждения, особенности мышления и коммуникативные стратегии, присущие представителям определенной исторической эпохи.

Следовательно, лингвисты определяют дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагмалингвистическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это

речь, “погруженная в жизнь”. Поэтому термин “дискурс”, в отличие от термина “текст”, не применяется к древним и др. текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливается непосредственно» [Арутюнова 1990: 136-137].

При этом следует учитывать, что по своему масштабу дискурс может быть меньше предложения (буквы *М* и *Ж* на дверях общественных уборных, *У* на машинах курсантов школ вождения, первые буквы фамилий на гербах аристократии и т.п.) или равен ему (надписи *Опасно* на объектах под напряжением, *Не входить* на входе в помещения для персонала, *Не беспокоить* на дверях гостиничных номеров и т.д.). *Инишалла(х), Но пасаран!, Русские не сдаются!, За Родину, за Сталина!, Беслан, Крымнаш!* и т.п. – все это тексты, смысл которых зависит от контекста, а толкование обусловлено знаниями коммуникантов о мире, которые не содержатся в высказывании. По мнению лингвистов, их следует рассматривать как реализацию формы языка с определенными характеристиками, т.е. дискурса [Кэмерон 2015: 28-32].

Иными словами, по мнению лингвистов, понимание дискурса сходно с расшифровкой прецедентных текстов, к которым Ю.Н. Караулов относит тексты, «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 2006: 216].

Участник дискурса, будь то адресант, адресат или наблюдатель, подобен человеку, который услышал логоэпистему (логос – слово, эпистема – знание), т.е. «языковое выражение закрепленного общественной памятью отражения действительности сознания в носителей в результате постижения (или создания) ими духовных ценностей отечественной и мировой культур» [Бурвикова, Костомаров 2006: 10] (например, *Соловей-разбойник; Освенцим; Элементарно, Ватсон; Девушка с веслом; Это не Рио-де-Жанейро* и т.д.)

[Там же: 8-9]. Таковы слова-понятия, пословицы, поговорки, присловья, крылатые слова, фразеологизмы, афоризмы, «говорящие» имена и названия, цитаты из текстов элитарной и массовой культуры, штампы [Там же: 7, 8]. Подобные знаки «культуры в языке и языка в культуре <...> можно трактовать как когнитивную структуру, принципиально нелинейную, реализующую принцип экономии применительно к функционированию языковой системы. Воспринимая зрительно или на слух логоэпистему, носитель языка видит (слышит) одно, вспоминает другое, представляет третье» [Там же: 10].

В отличие от лингвистов, остальные гуманитарии прибегают к анализу дискурса в связи с центральной ролью языка в жизни общества. Они понимают дискурс шире, а именно как «часть социальной практики» [Матисон 2015: 17], «особый способ общения и понимания окружающего мира (или какого-то аспекта мира)» [Филлипс, Йоргенсен 2004: 15], и исследуют:

что сказано (содержание дискурса);

как это влияет на людей (воздействие дискурса);

что социальные субъекты делают с дискурсом [Матисон 2015: 17].

В этом случае актуализируется наиболее абстрактный смысл понятия «дискурс», т.е. подразумевается конкретный исторический период, специфическая социальная общность или культура. «Тогда говорят, например, “коммунистический дискурс”, “буржуазный дискурс” или “организационный дискурс”. В этих же случаях – по аналогии с социологическими понятиями “социальная формация” или “социальный порядок” – говорят “дискурсивная формация” или “дискурсивный порядок”. Как раз в этом смысле мы говорим, например, об идеологическом дискурсе» [Ван Дейк 1998: Эл. ист.].

Вопросы для самопроверки

1. Сколько определений дискурса выработано в рамках современных гуманитарных дисциплин?
2. Какой расшифровкой этого термина пользуются представители риторики и теории аргументации?
3. Какие трактовки этого понятия используются в лингвистике?
4. Каким аспектам изучения дискурса они соответствуют?
5. Какое определение дискурса возникает при их интеграции?
6. В чем разница между дискурсом и предложением?
7. Каковы отличия дискурса и прецедентного текста, логоэпистемы?

Задания для самопроверки

1. Американские психологи установили, что многие самоубийцы сводят счеты с жизнью, увидев табличку «Выхода нет» в метро. Оказалось, что на человека, находящегося в депрессии, она действует, как двадцать пятый кадр. Сообщение откладывается в подсознании, становясь сигналом к принятию трагического решения. Посмотрите фото метрополитена в Нью-Йорке: <http://www.sidorov.com/new-york-subway-metro/> Как изменились надписи? Сравните их с аналогичными посланиями в Москве: (http://countyebe.ru/uploads/images/s/p/l/splin_vihoda_net_skoro_rassvet.jpg Чем, с вашей точки зрения, является надпись «Выхода нет» на русском и английском языках – предложением или дискурсом?
2. Прочтите статью из журнала «Psychologies», авторы которой пытаются установить, какой смысл вкладывают в «лайки» пользователи социальных сетей: <http://www.psychologies.ru/self-knowledge/communication/psihologiya-laykov-ya-viju-ya-ponimayu-ya-s-toboy/>. Можно ли назвать «лайк» текстом? Является ли он дискурсом?

Психология «лайков»: «Я вижу. Я понимаю. Я с тобой»

Что происходит с мозгом, когда мы смотрим ленту новостей, прокручиваем и щелкаем мышью? Как это влияет на связи между

нейронами? Что остается в памяти? Как оказалось, психологию «лайков» можно свести к пяти пунктам.

Щелк-щелк-щелк. Нравится, нравится, нравится... Мозг работает на автопилоте. Глаза стекленеют. Вы крутите и крутите бесконечную ленту, ставя «лайки» картинкам, обновлениям, статусам и ссылкам на что угодно. Социальные сети в самом худшем своем проявлении гипнотизируют нас до тошноты. Что остается от прочитанного и почему мы ставим «лайк», даже когда не в восторге от написанного?

«Лайк» – это форма признания

Зайдите в Facebook. Нажмите кнопку «нравится». Что получилось? Акт признания. Произошло социальное взаимодействие как минимум между двумя людьми. Можно назвать «лайк» примером виртуальной эмпатии. Все мы отлично понимаем, что значит сопереживать кому-то. Это способность понять и разделить эмоции или ситуацию другого человека. Нажимая кнопку «нравится», мы устанавливаем связь. Мы признаем существование собеседника. Нам совсем не обязательно нравится то, что мы видим. Но мы как будто говорим: «Я вижу. Я понимаю. Я с тобой».

«Лайк» – это попытка нажать социальный капитал

Что такое социальный капитал? Энциклопедический словарь разъясняет, что это сеть социальных связей между людьми, их общие ценности и нормы поведения, которые способствуют взаимовыгодному социальному сотрудничеству. В сетевом мире социальные связи складываются в интернете. Из этого логически вытекает, что сделки с социальным капиталом осуществляются онлайн. Взаимовыгодное социальное сотрудничество возникает, когда мы нажимаем «нравится». Когда мы осознаем, что в Сети происходит социальное взаимодействие, а «лайк» является одним из главных его инструментов, все приобретает новый смысл.

«Лайк» – это способ заявить о себе

Очевидно, что «лайк» каким-то образом влияет на его получателя, но все не так просто. Нажимая кнопку «нравится», мы проявляем себя как личность. Это не просто позитивная реакция на пост или статус, он превратился в вид обратной связи. Если вы ставите «лайк» статусу, с которым согласны, вы выражаете свое согласие публично. Это своеобразное послание самому себе – «Я здесь и я таков».

Вы – это то, что вам нравится. В действительности Facebook именно на этом и зарабатывает. На основе ваших «лайков» социальная сеть генерирует рекламу, которая появляется на вашей странице, и организует порядок сообщений в ленте.

Еженедельник The Time недавно описал алгоритм деятельности Facebook. Внедрение кнопки «нравится» в 2009 году позволило «затачивать» ленту под то, что доставляет пользователю удовольствие. Важным параметром является ваша близость с теми или иными людьми, а она определяется количеством «лайков», которые вы ставите их постам.

Наблюдение журналистов подтвердили научные исследования. В трудах Национальной академии наук США недавно были опубликованы результаты исследования с участием почти 60 тысяч пользователей Facebook. Его авторы пришли к выводу, что использование «лайков» в их алгоритме позволяет определить цвет кожи пользователя с точностью 95%, сексуальную ориентацию с точностью 88%, принадлежность к партии республиканцев или демократов с точностью 85%, пол с точностью 93% и возраст с точностью 75%.

«Лайк» – это попытка получить психологическую обратную связь

Ставя «лайк» чьему-то статусу или фото, мы подразумеваем, что получим от них ответный «лайк». Мало кто из нас готов в этом признаться, но чем больше «лайков» мы получаем, тем крепче наша уверенность в том, что нас любят. Нам нравится, когда мы нравимся, и

количество «лайков» для нас не менее важно, чем качество. Так что мы нажимаем «нравится», рассчитывая на взаимность.

А если мы не получаем желаемого количества «лайков»? Статус для нас – это продолжение нашего «Я», и если его игнорируют, мы воспринимаем это как пренебрежение нами лично. На самом деле мы ведь не ходим в Facebook, чтобы узнать, как поживают другие? Мы хотим получить что-то важное для себя. Мы ставим «лайки» по тем же причинам, по каким ходим на вечеринки или в бары, встречаемся с друзьями. Речь идет о психологической обратной связи. Мы хотим, чтобы нас ценили, признавали и любили такими, какие мы есть.

«Лайк» – это зачастую подмена более глубокого взаимодействия

У «лайков» есть не только позитивные, но и негативные стороны. Например, они размывают более глубокие уровни взаимодействия. «Лайк» – это просто щелчок кнопкой мыши. А отношения и разговоры – это работа. При том количестве друзей, которых мы заводим на Facebook, невозможно найти время на то, чтобы выстроить реальные отношения. «Лайк» – это форма социальной связи без рисков и обязательств.

И что теперь нам делать?

Не впадать в депрессию, не уходить с Facebook навсегда. Просто осознать, что представляет собой социальная сеть, и получить от нее максимум того, что она может дать.

Тема 4. Коммуникация как одно из центральных понятий дискурсивного анализа

Представители дискурсивного анализа исходят из того, что статическая модель языка слишком примитивна и не описывает его строение полностью. С их точки зрения, эту функцию выполняет динамическая модель языка. Она наиболее соответствует социальной коммуникации (Human communication) –

коммуникации в человеческом обществе. Это сложная совместная деятельность людей, в ходе которой они оказывают влияние друг на друга, выражая свой внутренний мир, обмениваясь мыслями и опытом. «Следует отметить, что слово “обмен” в данном случае является явной метафорой. <...> Собеседники взаимно обогащаются идеями и чувствами, способами поведения, делятся ими, делают их общими» [Кашкин 2013: 8]. Таким образом, коммуникация – это общение, взаимная передача и восприятие информации посредством речи [Прохоров 2006: 64].

Существуют множество разновидностей коммуникации (вербальная / невербальная, устная / письменная, содержащая диалог реальный / виртуальный и т.д.). Вне зависимости от типа коммуникации дискурс-аналитики представляют ее в виде многомерной конструкции, которая включает экспликативную (развернутую, явную) и имплективную (скрытую, подразумеваемую) составляющие. В свою очередь каждая из них состоит из трех компонентов:

1. действительности, в которой осуществляется коммуникативное взаимодействие участников, т.е. ситуацию общения;
2. содержательно-языковой основы общения, т.е. текста;
3. содержательно-речевой основы общения (в том числе его невербальных компонентов), т.е. дискурса [Прохоров 2006: 34, 45, 93].

Они находятся в постоянном взаимовлиянии и взаимодействии, поэтому лингвисты рассматривают дискурс в контексте реального мира, коммуникативной ситуации, ее культурных особенностей. При этом особое внимание уделяется участникам (коммуникантам): говорящему (адресанту, коммуникатору, отправителю сообщения), слушающему (адресату, реципиенту, получателю сообщения) и наблюдателю – ведь первостепенную роль в передаче информации играют люди. Их коммуникативные намерения – целевые установки, замыслы, мысленное предвосхищение желательного результата и направленность сознания на этот результат [Культура русской речи 2003: 254] – определяют отбор используемых ими вербальных

(словесных) и невербальных (несловесные) средств общения. Отсюда внимание дискурс-аналитиков к докоммуникативной и посткоммуникативной стадиям общения – его порождению и интерпретации.

Вопросы для самопроверки

1. Что такое коммуникация?
2. Какие разновидности коммуникации вы знаете?
3. Какие типы моделей коммуникации выработаны в лингвистике?
4. Какой из них наиболее соответствует постулатам дискурсивного анализа?
5. Какие компоненты коммуникации выделяют дискурс-аналитики?

Задания для самопроверки

1. Прочтите рассказ английского писателя Артура Конана Дойля «Рейгетские сквайры». Какие виды коммуникации в нем использованы? В какой коммуникативной ситуации создан текст письма, полученного Уильямом Керваном? Сколько у него адресантов? Каковы были их коммуникативные намерения? Удалось ли им их реализовать? Какие знания о мире пришлось применить главному герою, чтобы выявить их? Можно ли сказать, что Холмс провел дискурсивный анализ найденной записки?

Рейгетские сквайры

В то время мой друг Шерлок Холмс еще не оправился после нервного переутомления, полученного в результате крайне напряженной работы весной тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года. Нашумевшая история с Нидерландско-Суматрской компанией и грандиозным мошенничеством барона Мопэртуиса слишком свежа в памяти публики и слишком тесно связана с политикой и финансами, чтобы о ней можно было рассказать в этих записках. Однако косвенным путем она явилась причиной одного

редкостного и головоломного дела, которое дало возможность моему другу продемонстрировать еще одно оружие среди множества других, служивших ему в его нескончаемой войне с преступлениями.

Четырнадцатого апреля, как помечено в моих записях, я получил телеграмму из Лиона с известием о том, что Холмс лежит больной в отеле Дюлонж. Не прошло и суток, как я уже был у него в номере и с облегчением убедился, что ничего страшного ему не грозит. Однако тянувшееся больше двух месяцев расследование, в течение которого он работал по пятнадцати часов в день, а случалось и несколько суток подряд, подорвало железный организм Холмса. Блистательная победа, увенчавшая его труды, не спасла его от упадка сил после такого предельного нервного напряжения, и в то время как его имя гремело по всей Европе, а комната была буквально по колению завалена поздравительными телеграммами, я нашел его здесь во власти жесточайшей хандры. Даже сознание, что он одержал успех там, где не справилась полиция трех стран, и обвел вокруг пальца самого искусного мошенника в Европе, не могло победить овладевшего им безразличия.

Три дня спустя мы вернулись вместе на Бейкер-стрит, но мой друг явно нуждался в перемене обстановки, да и меня соблазняла мысль выбраться в эту весеннюю пору на недельку в деревню. Мой старинный приятель, полковник Хэйтер, который был моим пациентом в Афганистане, а теперь снял дом поблизости от городка Рейгет в графстве Суррей, часто приглашал меня к себе погостить. В последний раз он сказал, что был бы рад оказать гостеприимство и моему другу. Я повел речь издали, но, когда Холмс узнал, что нас приглашают в дом с холостяцкими порядками и что ему будет предоставлена полная свобода, он согласился с моим планом, и через неделю после нашего возвращения из Лиона полковник уже принимал нас у себя. Хэйтер был человек очень приятный и бывалый, объездивший чуть ли не весь свет, и скоро обнаружилось – как я и ожидал, – что у них с Холмсом много общего.

В день нашего приезда, вечером, мы, отобедав, сидели в оружейной полковника; Холмс растянулся на диване, а мы с Хэйтером рассматривали небольшую коллекцию огнестрельного оружия.

– Да, кстати, – вдруг сказал наш хозяин, – я возьму с собой наверх один из этих пистолетов на случай тревоги.

– Тревоги? – воскликнул я.

– Тут у нас недавно случилось происшествие, перепугавшее всю округу. В прошлый понедельник ограбили дом старого Эктона, одного из самых богатых здешних сквайров. Убыток причинен небольшой, но воры до сих пор на свободе.

– И никаких следов? – спросил Холмс, насторожив слух.

– Пока никаких. Но это – мелкое дело. Обычное местное преступление, слишком незначительное, чтобы заинтересовать вас, мистер Холмс, после того громкого международного дела.

Холмс ответил на комплимент небрежным жестом, но по его улыбке было заметно, что он польщен.

– Ничего примечательного?

– По-моему, ничего. Воры обыскали библиотеку, и, право же, добыча не стоила затраченных ими трудов. Все в комнате было перевернуто вверх дном, ящики столов взломаны, книжные шкафы перерыты, а вся-то пропажа – томик переводов Гомера, два золоченых подсвечника, пресс-папье из слоновой кости, маленький дубовый барометр да клубок бечевки.

– Что за удивительный набор! – воскликнул я.

– О, воры, видимо, схватили все, что им попало под руку.

Холмс хмыкнул со своего дивана.

– Полиция графства должна бы кое-что извлечь из этого, – сказал он. – Ведь совершенно очевидно, что...

Но я предостерегающе поднял палец.

– Вы приехали сюда отдохнуть, друг мой. Ради Бога, не принимайтесь за новую задачу, пока не окрепли нервы.

Холмс посмотрел на полковника с комическим смирением и пожал плечами, после чего беседа повернула в более спокойное русло.

Однако судьбе было угодно, чтобы все мои старания оберечь друга пропали даром, ибо на следующее утро это дело вторглось в нашу жизнь таким образом, что было невозможно остаться в стороне, и наше пребывание в деревне приняло неожиданный для всех нас оборот. Мы сидели за завтраком, когда к нам ворвался дворецкий, забыв о всякой пристойности, и выпалил, задыхаясь:

– Вы слышали новость, сэр? У Каннингемов, сэр?

– Опять ограбление? – вскричал полковник, и его рука с чашкой кофе застыла в воздухе.

– Убийство!

Полковник присвистнул.

– Бог мой! – промолвил он. – Кто убит? Мировой судья или его сын?

– Ни тот, ни другой, сэр. Убит Уильям, кучер. Пуля угодила прямо в сердце.

– Кто в него стрелял?

– Вор, сэр. Убил кучера наповал и был таков. Он успел добраться только до окна кладовой, Тут Уильям и бросился на него и нашел свою смерть, спасая добро хозяина.

– Когда это случилось?

– Вчера, сэр, около полуночи.

– А-а, в таком случае мы заглянем туда попозже, – сказал полковник, невозмутимо принимаясь за прерванный завтрак.

– Скверное дело, – добавил он, когда дворецкий ушел. – Старый Каннингем – самый влиятельный сквайр в наших местах и очень почтенный человек. Это его сразит. Уильям служил ему много лет и был хороший работник. Очевидно, это те же негодяи, что побывали у Эктона.

– И похитили ту чрезвычайно любопытную коллекцию?

– Именно.

– Гм! Возможно окажется, что дело не стоит выеденного яйца. И тем не менее на первый взгляд это немного странно, не так ли? Следовало бы ожидать, что шайка грабителей, действующая в провинции, будет менять места своих налетов, а не совершать две кражи со взломом в соседних усадьбах в течение нескольких дней. Когда вчера вечером вы говорили о мерах предосторожности, помнится, мне пришло в голову, что вор или воры выбрали бы эту округу самой последней во всей Англии, из чего следует, что мне надо еще многому учиться.

– Я думаю, это был кто-то из местных. Понятно, что его привлекли именно эти усадьбы. В здешних краях они самые крупные.

– И самые богатые?

– Должны были быть. Но Эктон и Каннингемы уже несколько лет ведут тяжбу, которая высосала кровь из обоих, мне думается. Старый Эктон возбудил иск на половину имения Каннингемов, и адвокаты изрядно нажились на этом деле.

– Если это местный вор, изловить его не составит большого труда, – сказал Холмс, зевнув. – Не волнуйтесь, Уотсон, я не собираюсь вмешиваться.

– Инспектор Форрестер, сэр, – возвестил дворецкий, распахивая двери.

В комнату вошел полицейский сыщик, быстрый молодой человек с живым, энергичным лицом.

– Доброе утро, полковник, – сказал он. – Надеюсь, я не помешал, но нам стало известно, что мистер Холмс с Бейкер-стрит находится у вас.

Полковник жестом руки показал на моего друга, и инспектор поклонился.

– Мы думали, что, возможно, вы пожелаете принять участие, мистер Холмс.

– Судьба против вас, Уотсон, – сказал Холмс, смеясь. – Мы как раз беседовали об этом деле, инспектор, когда вы пришли. Может быть, вы познакомите нас с некоторыми подробностями?

Когда он откинулся на стуле в знакомой мне позе, я понял, что все мои надежды рухнули.

– Нам не за что было ухватиться в деле с ограблением Эктона. Но здесь достаточно материала, чтобы начать расследование, и мы не сомневаемся, что в обоих случаях действовало одно и то же лицо. Взломщика видели.

– А-а!

– Да, сэр. Но он умчался быстрее оленя, как только прогремел выстрел, убивший несчастного Уильяма Кервана. Мистер Каннигем видел его из окна своей спальни, а мистер Алек Каннингем видел его с черной лестницы. Тревога поднялась без четверти двенадцать. Мистер Каннингем только что лег спать, а мистер Алек в халате курил трубку. Они оба слышали, как Уильям, кучер, звал на помощь, и мистер Алек бросился вниз посмотреть, что случилось. Входная дверь была раскрыта, и когда он сбегал по черной лестнице, то увидел перед домом двух мужчин, схватившихся друг с другом. Один из них выстрелил, другой упал, и убийца кинулся прочь прямо по саду, пролез через живую изгородь и исчез. Мистер Каннингем из окна своей спальни видел, как он выскочил на дорогу, но тут же потерял его из виду. Мистер Алек задержался посмотреть, нельзя ли помочь умирающему, и, таким образом, злодей успел скрыться. Нам известно только, что это был человек среднего роста, в чем-то темном. Другими приметами мы не располагаем, но мы ведем усиленные розыски, и если преступник – человек неместный, он скоро будет найден.

– А что там делал этот Уильям? Он что-нибудь сказал перед смертью?

– Ни слова. Уильям жил в сторожке со своей матерью. Он был преданный слуга, и мы предполагаем, что он подошел к дому с намерением проверить, все ли благополучно. Это и понятно: кража у Эктона заставила всех быть начеку. Грабитель, видимо, только что открыл дверь – замок был взломан, – как Уильям набросился на него.

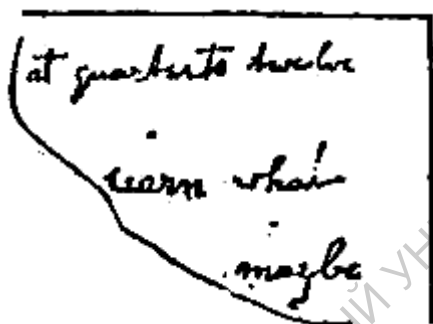
– А Уильям ничего не сказал своей матери перед уходом?

– Она очень стара и глуха, и ничего не удалось узнать от нее. Горе почти лишило ее рассудка, но я подозреваю, что она всегда была туповата. Однако есть одна очень важная улика. Взгляните!

Он вынул из своего блокнота клочок бумаги и расправил его на колене.

– Это было найдено у мертвого Уильяма в руке. Зажат между большим и указательным пальцами. По-видимому, это краешек какой-то записки. Обратите внимание, что указанное здесь время в точности совпадает со временем, когда бедняга встретил свою судьбу. Не то убийца вырывал у него записку, не то он у убийцы. Написанное наводит на мысль, что кого-то приглашали на свидание.

Холмс взял обрывок бумаги, факсимиле которого я здесь привожу. ^[1]

– Если это действительно так, – продолжал инспектор, – то напрашивается весьма вероятное предположение, что этот Уильям Керван, несмотря на свою репутацию честного человека, мог быть заодно с вором. Они могли встретиться в условленном месте, вдвоем взломать дверь, после чего между ними вспыхнула ссора.

– Этот документ представляет чрезвычайный интерес, – сказал Холмс, изучая обрывок с самым сосредоточенным вниманием, – дело куда тоньше, чем я думал.

Он обхватил руками голову, а инспектор с улыбкой наблюдал, какое действие произвел его рассказ на прославленного лондонского специалиста.

– Ваше последнее замечание, – сказал Холмс немного погодя, – о том, что взломщик, возможно, был в сговоре со слугой и что это была записка одного к

другому, в которой назначалась встреча, остроумно и не лишено правдоподобия. Однако этот документ раскрывает...

Он опять обхватил голову руками и несколько минут просидел молча, весь уйдя в свои мысли. Когда он поднял лицо, я с удивлением увидел, что щеки его порозовели, а глаза блестят как до болезни. Он вскочил на ноги с прежней энергией.

– Вот что, – заявил он, – я хотел бы бегло осмотреть место, где было совершено убийство. С вашего разрешения, полковник, я покину моего друга Уотсона и вас и прогуляюсь вместе с инспектором, чтобы проверить правильность моих догадок. Я буду обратно через полчаса.

Прошло полтора часа, инспектор вернулся один.

– Мистер Холмс ходит взад и вперед по полю, – сказал он. – Он хочет, чтобы мы вчетвером отправились в усадьбу.

– К мистеру Каннингему?

– Да, сэр.

– Зачем?

Инспектор пожал плечами.

– Это мне не совсем ясно, сэр. Между нами говоря, мне кажется, что мистер Холмс еще не совсем выздоровел после болезни. Он ведет себя очень странно. Я бы сказал, он немного не в себе.

– Думаю, что не стоит беспокоиться, – заметил я. – Я не раз убеждался, что в его безумии есть метод.

– Скорее в его методе есть безумие, – пробормотал инспектор. – Но он горит нетерпением, и если вы готовы, полковник, то лучше пойдёмте.

Холмс расхаживал взад и вперед по полю, низко опустив голову и засунув руки в карманы.

– Дело становится все интересней, – сказал он. – Уотсон, наша поездка в деревню определенно удалась. Я провел восхитительное утро.

– Вы были на месте преступления, как я догадываюсь? – спросил полковник.

– Да, мы с инспектором сделали небольшую разведку.

– И с успехом?

– Да, мы видели интересные вещи. По дороге я обо всем вам расскажу. Прежде всего мы осмотрели тело бедняги. Он действительно умер от револьверной раны, как сообщалось.

– А вы в этом сомневались?

– Все надо проверить. Мы не зря совершили свой обход. Потом мы беседовали с мистером Каннингемом и его сыном, и они смогли точно указать место, где преступник, убегая, пролез сквозь изгородь. Это было в высшей степени любопытно.

– Несомненно.

– Потом мы заглянули к матери несчастного Уильяма. От нее, однако, мы не могли добиться толку: она очень стара и слаба.

– И к какому результату привело вас ваше обследование?

– К убеждению в том, что это – весьма необычное преступление. Может быть, наш теперешний визит прольет на него немного света. Я полагаю, инспектор, мы с вами единодушны в том, что этот клочок бумаги в руке убитого, на котором записано точное время его смерти, имеет огромное значение.

– Он должен дать ключ, мистер Холмс.

– Он дает ключ. Кто бы ни писал записку, это был человек, поднявший Уильяма Кервана с постели в этот час. Но где же она?

– Я тщательно обыскал землю и не нашел, – сказал инспектор.

– Записку из руки Уильяма вырвали. Почему она была так нужна кому-то? Потому что она его уличала. И что он должен был с ней сделать? Сунуть в карман, по всей вероятности, не заметив, что уголок остался зажатым в пальцах у трупа. Если бы мы нашли недостающую часть, мы бы очень легко распутали дело.

– Да, но как нам залезть в карман к преступнику, если мы не поймали

самого преступника?

– Н-да, над этим стоит поломать голову. Затем вот еще что. Эту записку кто-то принес Уильяму. Конечно, не тот, кто ее писал: ему проще было бы тогда все передать на словах. Кто же принес записку? Или она пришла по почте?

– Я навел справки, – сказал инспектор. – Вчера вечерней почтой Уильям получил письмо. Конверт он уничтожил.

– Отлично! – воскликнул Холмс, похлопывая инспектора по плечу. – Вы уже повидали почтальона. Работать с вами одно удовольствие. Однако вот и сторожка, и, если вы последуете за нами, полковник, я покажу вам место преступления.

Мы прошли мимо хорошенького домика, где жил убитый кучер, и вступили в дубовую аллею, которая привела нас к прекрасному старому зданию времен королевы Анны, с датой битвы при Мальплаке^[21], высеченной над дверями. Следуя за Холмсом и инспектором, мы обогнули дом и подошли к боковому входу, отделенному цветником от живой изгороди, окаймлявшей дорогу. У двери на кухню дежурил полицейский.

– Распахните дверь, сержант, – приказал Холмс. – Вон на той лестнице стоял молодой Каннингем, и оттуда он видел двух мужчин, дерущихся как раз здесь, где мы стоим. Старый Каннингем смотрел из того окна – второго налево. Он говорит, что убийца побежал вон туда. За тот куст. То же самое видел и сын. Оба показывают одно направление. Затем мистер Алек выбежал из дома и склонился над раненым. Земля очень твердая, как видите, и не осталось никаких следов, которые могли бы помочь нам.

Пока он говорил, из-за угла дома показались двое мужчин; они шли к нам по садовой дорожке. Один был джентльмен почтенной наружности, с волевым лицом, изрезанным глубокими морщинами, и удрученным взглядом; другой – щеголеватый молодой человек, чья нарядная одежда и веселый, беззаботный вид никак не вязались с делом, которое привело нас сюда.

– Ну как, все на том же месте? – спросил он Холмса. – Я думал, вы, столичные специалисты, шутя решаете любую головоломку. Вы не так уж проворны, как я погляжу.

– О, дайте нам немного времени, – сказал Холмс добродушно.

– Оно вам понадобится, – ответил молодой Алек Каннингем. – У вас пока еще нет в руках ни одной нити.

– Одна есть, – вмешался инспектор, – Мы думаем, что если бы нам только удалось найти... Боже! Мистер Холмс, что с вами?

Мой бедный друг ужасно изменился в лице. Глаза закатились, все черты свело судорогой, и, глухо застонав, он упал ничком на землю. Потрясенные внезапностью и силой припадка, мы перенесли несчастного в кухню, и там, полулежа на большом стуле, он несколько минут тяжело дышал. Наконец он поднялся, сконфуженно извиняясь за свою слабость.

вернуться

1

«без четверти двенадцать»

узнаете то, что

может»

вернуться

2

В битве при Мальплаке (11 сентября 1709 года), во время войны за испанское наследство союзники одержали победу над французами.

2

– Уотсон вам объяснит, что я только что поправился после тяжелой болезни. Но я до сих пор подвержен этим внезапным нервным приступам.

– Хотите, я отправлю вас домой в своей двуколке? – спросил старый Каннингем.

– Ну, раз уж я здесь, я хотел бы уточнить один не совсем ясный мне пункт. Нам будет очень легко это сделать.

– Какой именно?

– Мне кажется вполне вероятным, что бедняга Уильям пришел после того, как взломщик побывал в доме. Вы, видимо, считаете само собой разумеющимся, что грабитель не входил в помещение, хотя дверь и была взломана.

– По-моему, это вполне очевидно, – сказал мистер Каннингем внушительно. – Мой сын Алек тогда еще не лег спать, и он, конечно, услышал бы, что кто-то ходит по дому.

– Где он сидел?

– Я сидел в моей туалетной и курил.

– Какое это окно?

– Последнее налево, рядом с окном отца.

– И у вас и у него, конечно, горели лампы?

– Разумеется.

– Как странно, – улыбнулся Холмс. – Не удивительно ли, что взломщик – при этом взломщик, который недавно совершил одну кражу, – умышленно вторгается в дом в такое время, когда он видит по освещенным окнам, что два члена семьи еще бодрствуют?

– Должно быть, это был дерзкий вор.

– Не будь это дело таким необычным, мы, конечно, не обратились бы к вам за разгадкой, – сказал мистер Алек. – Но ваше предположение, что вор успел ограбить дом, по-моему, величайшая нелепость. Мы наверняка заметили бы беспорядок в доме и хватились бы похищенных вещей.

– Это зависит от того, какие были украдены вещи, – сказал Холмс. – Не забывайте, что наш взломщик – большой причудник, и у него своя собственная линия в работе. Чего стоит, например, тот любопытнейший набор, который он унес из дома Эктонов. Позвольте, что там было?.. Клубок бечевки, пресс-папье и Бог знает какая еще чепуха!

– Мы в ваших руках, мистер Холмс, – сказал старый Каннингем. – Все, что предложите вы или инспектор, будет выполнено беспрекословно.

– Прежде всего, – сказал Холмс, – я хотел бы, чтобы вы назначили награду за обнаружение преступника от своего имени, потому что пока в полиции договорятся о сумме, пройдет время, а в таких делах чем скорее, тем лучше. Я набросал текст, подпишите, если вы не возражаете. Пятидесяти фунтов, по-моему, вполне достаточно.

– Я бы с радостью дал пятьсот, – сказал мировой судья, беря из рук Холмса бумагу и карандаш. – Только здесь не совсем правильно написано, – добавил он, пробегая глазами документ.

– Я немного торопился, когда писал.

– Смотрите, вот тут, в начале: «Поскольку во вторник, без четверти час ночи, была совершена попытка...» и т. д. В действительности это случилось без четверти двенадцать.

Меня огорчила эта ошибка, потому что я знал, как болезненно должен переживать Холмс любой подобный промах. Точность во всем, что касалось фактов, была его коньком, но недавняя болезнь подорвала его силы, и один этот маленький случай убедительно показал мне, что мой друг еще далеко не в форме. В первую минуту Холмс заметно смутился, инспектор же поднял брови, а Алек Каннингем расхохотался. Старый джентльмен, однако, исправил ошибку и вручил бумагу Холмсу.

– Отдайте это в газету как можно скорее, – сказал он, – прекрасная мысль, я нахожу.

Холмс бережно вложил листок в свою записную книжку.

– А теперь, – сказал он, – было бы неплохо пройтись всем вместе по дому и посмотреть, не унес ли чего с собой этот оригинальный грабитель.

До того как войти в дом, Холмс осмотрел взломанную дверь. Очевидно, ее открыли с помощью прочного ножа или стамески, с силой отведя назад язычок замка. В том месте, куда просовывали острие, на дереве остались следы.

– А вы не запираетесь изнутри на засов? – спросил он.

– Мы никогда не видели в этом необходимости.

– Вы держите собаку?

– Да, но она сидит на цепи с другой стороны дома.

– Когда слуги ложатся спать?

– Часов в десять.

– Как я понимаю, Уильям тоже в это время обычно был в постели?

– Да.

– Странно, что именно в эту ночь ему вздумалось не спать. Теперь, мистер Каннингем, я буду вам очень признателен, если вы согласитесь провести нас по дому.

Из выложенной каменными плитами передней, от которой в обе стороны отходили кухни, прямо на второй этаж вела деревянная лестница. Она выходила на площадку напротив другой, парадной лестницы, ведущей вверх из холла. От этой площадки тянулся коридор с дверями в гостиную и в спальни, в том числе в спальни мистера Каннингема и его сына. Холмс шел медленно, внимательно изучая планировку дома. Весь его вид говорил о том, что он идет по горячему следу, хотя я не мог представить себе даже отдаленно, чей это след.

– Любезный мистер Холмс, – сказал старший Каннингем с ноткой нетерпения в голосе, – Уверяю вас, это совершенно лишнее. Вон моя комната, первая от лестницы, а за ней комната сына. Судите сами: возможно ли, чтобы вор поднялся вверх, не потревожив нас?

– Вам бы походить вокруг дома да поискать там свежих следов, – сказал сын с недоброй улыбкой.

– И все же разрешите мне еще немного злоупотребить вашим терпением. Я хотел бы, например, посмотреть, как далеко обзревается из окон спален пространство перед домом. Это, насколько я понимаю, комната вашего сына, – он толкнул дверь, – а там, вероятно, туалетная, в которой он сидел и курил, когда поднялась тревога. Куда выходит ее окно?

Холмс прошел через спальню, раскрыл дверь в туалетную и обвел комнату взглядом.

– Надеюсь, теперь вы удовлетворены? – спросил мистер Каннингем раздраженно.

– Благодарю вас. Кажется, я видел все, что хотел.

– Ну, если это действительно необходимо, мы можем пройти и в мою комнату.

– Если это вас не слишком затруднит.

Мировой судья пожал плечами и повел нас в свою спальню, ничем не примечательную комнату с простой мебелью. Когда мы направились к окну, Холмс отстал, и мы с ним оказались позади всех. В ногах кровати стоял квадратный столик с блюдом апельсинов и графином с водой. Проходя мимо, Холмс, к моему несказанному удивлению, вдруг наклонился и прямо перед моим носом нарочно опрокинул все это на пол. Стекло разбилось вдребезги, а фрукты раскатились по всем углам.

– Ну и натворили вы дел, Уотсон, – сказал он, нимало не смутившись, – во что вы превратили ковер!

Я в растерянности наклонился и стал собирать фрукты, догадываясь, что по какой-то причине мой друг пожелал, чтобы я взял вину на себя. Остальные присоединились ко мне, и столик снова поставили на ножки.

– Вот те на! – вскричал инспектор. – Куда же он делся?

Холмс исчез.

– Подождите здесь одну минутку, – сказал Алек Каннингем, – по моему, ваш приятель свихнулся. Пойдемте со мной, отец, посмотрим, куда он в самом деле делся!

Они ринулись вон из комнаты, а мы остались втроем с полковником и инспектором, в недоумении глядя друга на друга.

– Честное слово, я склонен согласиться с мистером Алеком, – сказал сыщик. – Возможно, это – следствие болезни, но мне кажется...

Внезапные громкие вопли: «На помощь! На помощь! Убивают!» – не дали ему договорить. Я с содроганием узнал голос своего друга. Не помня себя, я кинулся из комнаты на площадку. Вопли перешли в хриплые,

сдавленные стоны, которые неслись из той комнаты, куда мы заходили сначала. Я ворвался в нее, а оттуда в туалетную. Два Каннингема склонились над распростертым телом Шерлока Холмса; молодой обеими руками душил его за горло, а старый выкручивал ему кисть. В следующее мгновение мы втроем оторвали от него обоих, и Холмс, шатаясь, встал, очень бледный и, видимо, крайне обессиленный.

– Арестуйте этих людей, инспектор, – сказал он, задыхаясь.

– На каком основании?

– По обвинению в убийстве их кучера, Уильяма Кервана.

Инспектор уставился на Холмса широко раскрытыми глазами.

– О, помилуйте, мистер Холмс, – промолвил он наконец, – я уверен, что вы, конечно, не думаете в самом деле...

– Довольно, посмотрите на их лица! – приказал Холмс сердито.

Ручаюсь, что никогда мне не приходилось видеть на человеческих физиономиях такого явного признания вины. Старший был ошеломлен и раздавлен. Его суровые, резкие черты выражали угрюмую безнадежность. А сын сбросил с себя развязность и нарочитую беспечность, злобное бешенство опасного зверя вспыхнуло в его черных глазах и исказило красивые черты. Инспектор ничего не сказал, но пошел к двери и дал свисток. Немедленно явились два полицейских.

– У меня нет выбора, мистер Каннингем, – сказал он, – Надеюсь, все это окажется, нелепой ошибкой, но вы же сами видите, что... А-а, вот вы как? Бросьте сейчас же!

Он ударил по руке молодого Каннингема, и револьвер со взведенным курком упал на пол.

– Спрячьте его, – сказал Холмс, проворно наступив на револьвер ногой, – он вам пригодится на суде. Но вот что действительно нам необходимо... – Он показал маленький скомканный листок бумаги.

– Записка! – вскричал инспектор.

– Вы угадали.

– Где она была?

– Там, где она должна была быть, по моим соображениям. Я все объясню вам позже. Я думаю, полковник, что вы с Уотсоном можете вернуться, я же приду самое большое через час. Нам с инспектором надо поговорить с арестованными, но я непременно буду ко второму завтраку.

Шерлок Холмс сдержал свое слово – около часу дня он присоединился к нам в курительной полковника. Его сопровождал невысокий пожилой джентльмен. Холмс представил его мне. Это был мистер Эктон, дом которого первым подвергся нападению.

– Я хотел, чтобы мистер Эктон присутствовал, когда я буду рассказывать вам о своем расследовании этого пустячного дела, – сказал Холмс, – понятно, что ему будут очень интересны подробности. Боюсь, полковник, что вы жалеете о той минуте, когда приняли под свой кров такого буревестника, как я.

– Напротив, – ответил полковник горячо, – я считаю великой честью познакомиться с вашим методом. Признаюсь, что он далеко превзошел мои ожидания и что я просто не в состоянии постичь, как вам удалось разрешить эту загадку. Я до сих пор ничего не понимаю.

– Боюсь, что мое объяснение вас разочарует, но я никогда ничего не скрываю от моего друга Уотсона, ни от любого другого человека, всерьез интересующегося моим методом. Но прежде всего, полковник, я позволю себе выпить глоток вашего бренди: эта схватка в туалетной у Каннингемов меня порядком обессилила.

– Надеюсь, больше у вас не было этих нервных приступов?

Шерлок Холмс рассмеялся от всей души.

– Об этом в свою очередь. Я расскажу вам все по порядку, задерживаясь на разных пунктах, которые вели меня к решению. Пожалуйста, остановите меня, если какой-нибудь вывод покажется вам не совсем ясным.

В искусстве раскрытия преступлений первостепенное значение имеет способность выделить из огромного количества фактов существенные и отбросить случайные. Иначе ваша энергия и внимание непременно расплывутся вместо того, чтобы сосредоточиться на главном. Ну, а в этом деле у меня с самого начала не было ни малейшего сомнения в том, что ключ следует искать в клочке бумаги, найденном в руке убитого.

Прежде чем заняться им, я хотел бы обратить ваше внимание на тот факт, что если рассказ Алека Каннингема верен и если убийца, застрелив Уильяма Кервана, бросился бежать мгновенно, то он, очевидно, не мог вырвать листок из руки мертвеца. Но если это сделал не он, тогда это сделал не кто иной, как Алек Каннингем, так как к тому времени, когда отец спустился вниз, на место происшествия уже сбежались слуги. Соображение очень простое, но инспектору оно не пришло в голову. Он и в мыслях не допускал, что эти почтенные сквайры имеют какое-то отношение к убийству. Ну, а в моих правилах – не иметь предвзятых мнений, а послушно идти за фактами, и поэтому еще на самой первой стадии расследования мистер Алек Каннингем был у меня на подозрении.

Итак, я очень внимательно исследовал тот оторванный уголок листка, который предъявил нам инспектор. Мне сразу стало ясно, что он представляет собой часть интереснейшего документа. Вот он, перед вами. Вы не замечаете в нем ничего подозрительного?

– Слова написаны как-то неровно и беспорядочно, – сказал инспектор.

– Милейший полковник! – вскричал Холмс. – Не может быть ни малейшего сомнения в том, что этот документ писали два человека, по очереди, через слово. Если я обращу ваше внимание на энергичное «t» в словах «at» и «to» и попрошу вас сравнить его с вялым «t» в словах «quarter» и «twelve», вы тотчас же признаете этот факт. Самый простой анализ этих четырех слов даст вам возможность сказать с полнейшей уверенностью, что «learn» и «taube» написаны более сильной рукой, а «what» – более слабой.

– Боже правый! Да это ясно как день! – воскликнул полковник. – Но с какой стати два человека будут писать письмо подобным образом?

– Очевидно, дело было скверное, и один из них, не доверявший другому, решил, что каждый должен принять равное участие. Далее, ясно, что один из двух – тот, кто писал «at» и «to», – был главарем.

– А это откуда вы взяли?

– Мы можем вывести это из простого сравнения одной руки с другой по их характеру. Но у нас есть более веские основания для такого предположения. Если вы внимательно изучите этот клочок, вы придете к выводу, что обладатель более твердой руки писал все свои слова первым, оставляя пропуски, которые должен был заполнить второй. Эти пропуски не всегда было достаточно большими, и вы можете видеть, что второму было трудно уместить свое «quarter» между «at» и «to», из чего следует, что эти слова были уже написаны. Человек, который написал все свои слова первым, был, безусловно, тем человеком, который планировал это преступление.

– Блестяще! – воскликнул мистер Эктон.

– Но все это очевидные вещи, – сказал Холмс. – Теперь, однако, мы подходим к одному важному пункту. Возможно, вам неизвестно, что эксперты относительно точно определяют возраст человека по его почерку. В нормальных случаях они ошибаются не больше чем на три-четыре года. Я говорю, в нормальных случаях, потому что болезнь или физическая слабость порождают признаки старости даже у юноши. В данном случае, глядя на четкое, энергичное письмо одного и на нетвердое, но все еще вполне разборчивое письмо второго, однако уже теряющее поперечные черточки, мы можем сказать, что один из них – молодой человек, а другой – уже в годах, хотя еще не дряхлый.

– Блестяще! – еще раз воскликнул мистер Эктон.

– И есть еще один момент, не такой явный и более интересный. Оба почерка имеют в себе нечто общее. Они принадлежат людям, состоящим в

кровном родстве. Для нас это наиболее очевидно проявляется в том, что «а» они пишут как греческое «α», но я вижу много более мелких признаков, говорящих о том же. Для меня нет никакого сомнения в том, что в обоих образцах письма прослеживается фамильное сходство. Разумеется, вам я сообщаю только основные результаты исследования этого документа. Я сделал еще двадцать три заключения, которые интереснее экспертам, чем вам. И все они усиливали мое впечатление, что это письмо написали Каннингеми – отец и сын.

Когда я дошел до этого вывода, моим следующим шагом было изучить подробности преступления и посмотреть, не могут ли они нам помочь. Я отправился в усадьбу Каннингемов с инспектором и увидел все, что требовалось. Рана на теле убитого, как я мог установить с абсолютной уверенностью, была получена в результате револьверного выстрела, сделанного с расстояния примерно около четырех ярдов. На одежде не было никаких следов пороха. Поэтому Алек Каннингем явно солгал, сказав, что двое мужчин боролись друг с другом, когда прогремел выстрел. Далее, отец и сын одинаково показали место, где преступник выскочил на дорогу. Но в этом месте как раз проходит довольно широкая сырая канава. Поскольку в канаве не оказалось никаких следов, я твердо убедился не только в том, что Каннингеми опять солгали, но и в том, что на месте происшествия вообще не было никакого неизвестного человека.

Теперь мне надо было выяснить мотив этого редкостного преступления. Чтобы добраться до него, я решил прежде всего попробовать узнать, с какой целью была совершена первая кража со взломом у мистера Эктона. Как я понял со слов полковника, между вами, мистер Эктон, и Каннингемами велась тяжба. Разумеется, мне сразу же пришло на ум, что они проникли в вашу библиотеку, чтобы заполучить какой-то документ, который играет важную роль в деле.

– Совершенно верно, – сказал мистер Эктон, – насчет их намерений не может быть никаких сомнений. У меня есть неоспоримое право на половину

их имена, и если бы только им удалось выкрасть одну важную бумагу – которая, к счастью, хранится в надежном сейфе моих поверенных, – они, несомненно, выиграли бы тяжбу.

– Вот то-то и оно! – сказал Холмс, улыбаясь. – Это была отчаянная, безрассудная попытка, в которой чувствуется влияние молодого Алека. Ничего не найдя, они попытались отвести подозрение, инсценировав обычную кражу со взломом, и с этой целью унесли что попало под руку. Все это достаточно ясно, но многое оставалось для меня по-прежнему темным. Больше всего мне хотелось найти недостающую часть записки. Я был уверен, что Алек вырвал ее из рук мертвого, и почти уверен, что он сунул ее в карман своего халата. Куда еще он мог ее деть? Вопрос заключался в том, была ли она все еще там. Стоило приложить усилия, чтобы это выяснить, и ради этого мы все пошли в усадьбу.

Каннингемы присоединились к нам, как вы, несомненно, помните, в саду, около двери, ведущей на кухню. Конечно, было чрезвычайно важно не напомнить им о существовании этого документа, иначе они уничтожили бы его немедленно. Инспектор был уже готов посвятить их в то, почему мы придавали такое значение этой бумажке, как благодаря счастливейшему случаю со мной сделалось нечто вроде припадка, и я грохнулся на землю, изменив таким образом тему разговора.

– Боже правый! – воскликнул полковник, смеясь. – Вы хотите сказать, что ваш припадок был ловкий трюк и мы зря вам сочувствовали?

– С профессиональной точки зрения это проделано великолепно! – воскликнул я, с изумлением глядя на Холмса, который не переставал поражать меня все новыми проявлениями своего изобретательного ума.

– Это – искусство, которое часто может оказаться полезным, – сказал он. – Когда я пришел в себя, мне удалось с помощью не такого уж хитрого приема заставить старого Каннингема написать слово «twelve», чтобы я мог сравнить его с тем же словом, написанным на нашем клочке.

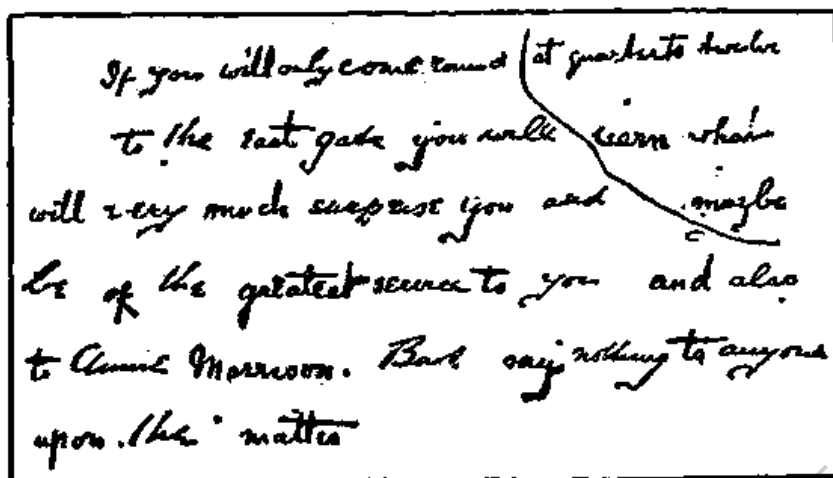
– Каким же идиотом я был! – воскликнул я.

– Я видел, какое сочувствие вызвала у вас моя слабость, – сказал Холмс, смеясь. – И мне было очень жаль огорчать вас, – ведь я знаю, как вы беспокоитесь обо мне. Затем мы все вместе отправились на второй этаж, и после того, как мы зашли в комнату младшего Каннингема и я заметил халат, висевший за дверью, я сумел отвлечь их внимание на минуту, перевернул стол и проскользнул обратно, чтобы обыскать карманы. Но только я успел достать бумажку, которая, как я ожидал, была в одном из них, как оба Каннингема накинулись на меня и убили бы меня на месте, если бы не ваша быстрая и дружная помощь. По правде говоря, я и сейчас чувствую железную хватку этого молодого человека у себя на горле, а отец чуть не вывернул мне кисть, стараясь вырвать у меня бумажку. Они поняли, что я знаю все, и внезапный переход от абсолютной безопасности к полному отчаянию сделал их невменяемыми.

Потом у меня был небольшой разговор со старым Каннингемом по поводу мотива этого преступления. Старик вел себя смирно, зато сын – сущий дьявол, и если бы он только мог добраться до своего револьвера, он пустил бы пулю в лоб себе или кому-нибудь еще. Когда Каннингем понял, что против него имеются такие тяжкие улики, он совсем пал духом и чистосердечно во всем признался. Оказывается, Уильям тайно следовал за своими хозяевами в ту ночь, когда они совершили свой налет на дом Эктона и, приобретя таким образом над ними власть, стал вымогать у них деньги под угрозой выдать их полиции. Однако мистер Алек был слишком опасной личностью, чтобы с ним можно было вести такую игру. В панике, охватившей всю округу после кражи со взломом, он поистине гениально усмотрел возможность отделаться от человека, которого он боялся. Итак, Уильям был завлечен в ловушку и убит, и если бы только они не оставили этого клочка бумаги и внимательнее отнеслись к подробностям своей инсценировки, возможно, на них никогда бы не пало подозрение.

– А записка? – спросил я.

Шерлок Холмс развернул перед нами записку, приложив к ней оторванный уголок. ^[3]

If you will only come round (at quarter to twelve) to the east gate you will learn what will very much surprise you and maybe be of the greatest service to you and also to Annie Morrison. Don't say nothing to anyone upon the matter

– Нечто вроде этого я и ожидал найти. Конечно, мы еще не знаем, в каких отношениях были Алек Каннингем, Уильям Керван и Анни Моррисон. Результат показывает, что ловушка была подстроена искусно. Я уверен, что вам доставит удовольствие проследить родственные черты в буквах «р» и в хвостиках у буквы «g». Отсутствие точек в написании буквы «i» у Каннингема-отца тоже очень характерно. Уотсон, наш спокойный отдых в деревне, по-моему, удался как нельзя лучше, и я, несомненно, вернусь завтра на Бейкер-стрит со свежими силами.

вернуться

3

«Если вы придете без четверти двенадцать к восточному входу, то вы узнаете то, что может вас очень удивить и сослужит большую службу как вам, так и Анни Моррисон. Только об этом никто не должен знать».

Тема 5. «Текст» и «дискурс» как понятия дискурсивного анализа. Типология дискурса

Общим местом работ по лингвистике является противопоставление текста и дискурса как части и целого. Языковеды смотрят на текст как на основную единицу дискурса и определяют дискурс как единство и взаимодействие текста и внеязыковых (прагматических, социокультурных, психологических и т.д.) факторов и средств его реализации. Как пишет Т.А. Ван Дейк, «дискурс – актуально произнесенный текст, а “текст” – это абстрактная грамматическая структура произнесенного (напомню: речь / язык, *langue* / *parole*, компетентность / произносимость). Дискурс – это понятие, касающееся *речи*, актуального речевого действия, тогда как “текст” – это понятие, касающееся системы *языка* или формальных лингвистических знаний, лингвистической компетентности» [Ван Дейк 1998: Эл. ист.].

Следовательно, по мнению ученых, текст и дискурс – это несоединимые и нерасторжимые явления, сосуществующие в структуре и содержании социальной коммуникации, или общения (т.е. вербального и невербального взаимодействия и взаимовлияния людей друг на друга), с действительностью. Последняя включает все материальные условия осуществления коммуникации между носителями какого-либо языка и является материальной фигурой коммуникации.

Текст	Дискурс
включает вербальные (речевые, словесные) компоненты	включает вербальные (речевые, словесные) и невербальные (мимику, жесты, позы, прикосновения, положение в пространстве) компоненты

интровертивная фигура коммуникации	экстравертивная фигура коммуникации
синтаксическая единица	коммуникативная единица
продукт речемыслительной деятельности	продукт и процесс речемыслительной деятельности
средство накопления информации	способ передачи информации
единица дискурса	единица речевой деятельности

Особого внимания заслуживает противопоставление текста и дискурса как интровертивной и экстравертивной фигур коммуникации, характерное для работ отечественного лингвиста Ю.Е. Прохорова. В своей книге «Действительность. Текст. Дискурс» исследователь определяет текст как интровертивную фигуру коммуникации, поскольку он представляет собой совокупность правил лингвистической и экстралингвистической организации содержания коммуникации представителей определенной лингвокультурной общности» [Прохоров 2006: 34]. Ему противопоставляется «экстравертивная фигура коммуникации – дискурс: совокупность вербальных форм практики организации и оформления содержания коммуникации представителей определенной лингвокультурной общности» [Там же]. Указанные феномены входят в триаду, последней составляющей которой является «материальная фигура коммуникации – действительность: совокупность материальных условий осуществления коммуникации представителей данной лингвокультурной общности» [Там же: 35].

Важно учитывать, что многоликость современной социальной коммуникации, т.е. «процесса социального взаимодействия между людьми как объектами и субъектами социальных процессов, взятых в их информационно-знаковом аспекте» [Черри 1972: 349, цит. по: Гнатюк 2010: 16], предполагает выделение двух основных разновидностей дискурса: персонального (личностно-ориентированного) и институционального. Первый тип раскрывает внутренний мир коммуникантов (участников общения). Наиболее полно он представлен в художественной литературе, трудах по психологии и философии. Во втором типе коммуниканты выступают как представители определенных социальных институтов, поэтому принято говорить о политическом, дипломатическом, административном, юридическом, военном, педагогическом, религиозном, медицинском, рекламном, спортивном, научном, массово-информационном и др. дискурсах. Лингвисты уверены, что их формальные особенности предопределяются тем, как работают язык и коммуникация, поэтому изучение того, как люди говорят, важнее содержания их сообщений и самого дискурса [Стариченок 2008: 178].

Различная степень вовлеченности коммуникантов в процесс общения, совпадения их знаний об окружающем мире и правилах общения позволяет исследователям выделять следующие типы дискурсов:

- 1) реальный: взаимная передача и восприятие информации посредством общения;
- 2) латентный: дискурс одного из участников общения скрыт и непонятен собеседникам, полноценного коммуникационного взаимодействия не происходит;
- 3) виртуальный: дискурс замкнут на себе, не направлен вовне, на обеспечение реальной коммуникации, поэтому участник коммуникации сам должен организовать на базе этого дискурса – в меру своих знаний действительности и интровертивной фигуры коммуникации – новый реальный дискурс;

- 4) квазидискурс: обмен знаками, который не делает коммуникацию реальной, взаимной передачи и восприятия информации посредством речи не происходит [Прохоров 2006: 62-65].

Вопросы для самопроверки

1. Как вы понимаете значение термина «текст»?
2. Можно ли назвать текст и дискурс не связанными друг с другом явлениями?
3. На каких основаниях лингвисты противопоставляют указанные явления?
4. На чем основано представление о тексте как об интровертивной фигуре коммуникации и дискурсе как об экстравертивной фигуре информационного взаимодействия?
5. Какие типы дискурса выделяют представители науки о языке?

Задания для самопроверки

1. Прочтите рассказы английского писателя Артура Конана Дойля «Приключение клерка» и «Глория Скот». Установите докоммуникативную и посткоммуникативную стадии найденных великим сыщиком текстов. Какие из описанных в рассказах событий можно отнести к дискурсу?
2. Посмотрите фильм «Дневники няни» (2007). Сколько текстов и дискурсивных рамок заключено в сценарии этой кинокартины? Каким образом они связаны друг с другом?
3. Прочтите работу австрийского психиатра и психолога Зигмунда Фрейда «Воспоминания Леонардо да Винчи о раннем детстве» (1910). Что является для автора текстом? На чем он строит свою оригинальную интерпретацию

одного из величайших шедевров эпохи Возрождения и психоанализ художественного творчества да Винчи в целом?

Тема 6. Дискурс как объект социального исследования

Социальные ученые рассматривают дискурсы как способы обсуждения различных явлений, формирующие представления людей о реальности. Так, авторы исследований, посвященных медиа-дискурсу, видят свою задачу в том, чтобы «проанализировать следующее: какая именно форма репрезентации социального мира доминирует; какие формы взаимодействия формирует медиа-текст между людьми и миром, а также между властью и всеми остальными; как одно и то же значение может меняться, в зависимости от того, в каком медиа-тексте оно используется; и какие различные способы видения и мышления мы можем там обнаружить» [Матисон 2013: 13-14]. А исследователи, занимающиеся историей вооруженных конфликтов, обращают внимание на то, что «организованное насилие зависит от языка, который люди используют для организации этого насилия на каждом уровне, от этапа замысла насилия, санкционированного на уровне государства, до планирования и формулирования приказов. И все это зависит от языка, который используют для оправдания насилия посредством философии, героических историй и конструирования таких понятий, как национальная честь и бесчестный враг. <...> Война может происходить только потому, что она окружена и структурирована заявлениями об оправдании, восхвалении и прославлении» [Там же: 16-17].

Таким образом, социальные ученые изучают дискурс как «окно в чей-то психический или социальный мир» [Кэмерон 2015: 40]. По их мнению, люди получают представление о явлениях окружающей действительности из дискурсов, доступных им благодаря межличностному и деловому общению, образованию и массмедиа. Приписывая определенные значения событиям и явлениям, они меняют мир и наши представления о нем. Как заметил

американский дискурс-аналитик Джей Лемке, «мы говорим голосами наших обществ» [цит. по: Там же: 35].

С этой точки зрения, дискурс-анализ является методом исследования «социальных голосов», доступных людям, чью речь исследуют аналитики [Там же]. Их изучение дает ученым информацию о психическом или социальном мире испытуемых, их восприятии и понимании социальной жизни, социальных отношений и социальных явлений (например, властных структур, экономических кризисов, вооруженных конфликтов, роста преступности и безработицы), ведь то, как люди говорят, отражает, как они понимают вещи.

Вместе различные способы обсуждения инвалидов, геев, закона Димы Яковлева («закона подлецов»), «пакета Яровой», антироссийских экономических санкций и соответствующих им практик создают систему понятий и убеждений, предопределяющих, «что мы воспринимаем как реальность по этой теме» [Кэмерон 2015: 38].

Приобщаясь к тому или иному дискурсу, говорящие воспринимают мир через язык, представляют себе окружающую действительность, конструируют ее. Таким образом, реальность строится дискурсивно, а борьба на уровне дискурсов трансформирует жизнь общества в целом [Кэмерон 2015: 38].

В данном случае социальные ученые следуют за философом, историком культуры и науки, структуралистом Мишелем Фуко (1926-1984), определившим дискурсы как «практики, которые систематически формируют объекты, о которых они (дискурсы) говорят» [цит. по: Там же: 36]. Согласно его концепции, дискурсивную практику и говорение (шире – использование языка) связывает понятие «власть / знание». Сертифицированные эксперты обладают большой властью и осуществляют социальный контроль благодаря полномочиям определять, описывать и классифицировать людей и вещи, которыми их наделяет современное общество. Тот факт, что они осуществляют свои обязанности посредством языка, позволяет говорить о

могуществе слов, утверждать неразрывную связь языковой практики с действиями. В частности, на основе сложившихся представлений о здоровье и безумии эксперты делят людей на категории, определяют их психическое здоровье и констатируют психическое заболевание, а на основании этих определений людей классифицируют как психически больных и удерживают в специализированных клиниках. Помимо этого, эксперты определяют стандарты «нормального поведения», которые тюремщики с помощью дисциплинарных методов навязывают заключенным, и правильного «родительского подхода», которые позволяют органам опеки отбирать детей у тех, кто им не соответствуют. Наконец, выработанные экспертами нормы понятие «интеллекта» и способы его измерения (тесты IQ и проч.) могут повлечь серьезные изменения в сфере образования и повлиять на карьерные перспективы многих граждан [Кэмерон 2015: 38-39, 40; Оксфордская иллюстрированная энциклопедия 2002: 309].

Важно отметить, что, по мнению Фуко, дискурс не является вневременной формой человеческого существования. Это «фрагмент истории <...>, ставящий свои собственные ограничения, предлагающий деления и трансформации, специфические способы выражения своей принадлежности к определенному времени» [Faulcolte 1972: 117, цит. по: Филипс, Йоргенсен 2004: 30]. Для каждого исторического периода характерны свои правила, с помощью которых люди в ту или иную эпоху решают, какие утверждения принимать как значимые или незначительные, правдивые или ложные, что можно или нельзя говорить. Поскольку структура дискурса предопределяет, что в конкретный исторический период считать истинным или ложным, истина во многом создается дискурсивно.

Как считает Фуко, субъект дискурс-анализа создается в дискуссиях. Как заметил Стэйнар Квэйл, «человек больше не использует язык, чтобы выразить самого себя; скорее язык говорит через личность. Индивидуум становится посредником для культуры и языка».

Вопросы для самопроверки

1. Какое понимание дискурса представлено в социальных исследованиях?
2. Из каких дискурсов люди получают представление о явлениях окружающей действительности?
3. Какую информацию социальные ученые извлекают из анализируемых дискурсов?
4. Какая научная концепция лежит в основе трактовки дискурса в социальных исследованиях?
5. Можно ли определить дискурс как вневременную форму человеческого существования?

Задания для самопроверки

1. Посмотрите фильм «Время убивать» (1996). Какие способы обсуждения расизма в нем представлены? Какие дискурсы сформировали убеждения главного героя? Какими средствами он распространяет их на присяжных?

Тема 7. Дискурсивная психология как направление дискурсивного анализа

Дискурсивная психология (discursive psychology) изучает образование и изменение дискурсов в повседневном общении. Ее представители сосредоточивают свое внимание на систематическом эмпирическом изучении устной и письменной речи. Иными словами, дискурсивная психология сосредоточена на анализе повседневной коммуникации людей.

Она появилась на фоне общего кризиса гуманитарного знания в середине прошлого столетия. В научном сообществе создание данного

подхода было воспринято как «вторая когнитивная революция» [Макаров 2003: 50].

Ее сторонники исходят из наличия постоянных социальных структур, на которых ориентируются люди или изменяют их в дискурсивной практике. Дискурсивных психологов интересует активное и творческое использование дискурса как источника социальных действий в определенном взаимодействии.

Оно приходит на смену традиционно доминировавшей в социальной психологии когнитивной парадигмы, основанной на изучении когнитивных процессов (мышления, познания, восприятия, рассуждения) как причин социального поведения посредством экспериментальных методов. Отличия этих направлений психологии отражены в следующей таблице.

Объект исследования	Когнитивная психология	Дискурсивная психология
Устная и письменная речь	рассматриваются как отражение внешнего мира и результат мыслительного представления о нем	рассматриваются как явления внешнего мира, ориентированные на социальное взаимодействие
Ментальные процессы и категории	Производятся человеком самостоятельно и существуют как «внутренние», формируются благодаря внутренним процессам человека	Образуются в результате социальной, дискурсивной практики, т.е. учитывают внешние факторы, в том числе язык как динамичную форму социальной практики, формирующей

		социальный мир, включая идентичности, социальные отношения и представления о мире.
изучает	Абстрактные структуры языка	Эмпирический анализ дискурса, в котором дискурс рассматривается как ситуативное использование языка

Помимо этого, когнитивная психология определяет индивидуума как автономную сущность с набором врожденных характеристик, которая воспринимает социальный мир как источник требующей обработки информации. Посредством когнитивных процессов человек накапливает знания и опыт об окружающей действительности. Последний предопределяет мировосприятие индивидуума, формируя ментальные структуры, которые используются людьми при категоризации полученной информации и управляют его действиями (схемы, сценарии). При этом человеческое поведение характеризуется установкой на согласованность мышления. Дискомфорт и психологическое напряжение, вызванные несогласованностью мнений индивидуума, Луи Фестингер назвал когнитивным диссонансом. Испытывая его, человек изменяет свои убеждения, чтобы согласовать их и уменьшить напряжение.

Критикуя это положение, сторонники дискурсивной психологии обвиняют когнитивистов в том, что они преуменьшают важность социального происхождения способов понимания и категоризации мира. В то же время дискурсивные психологи опровергают теорию «когнитивной согласованности» на основании того, что согласованность и

несогласованность изменчивы и становятся риторическими стратегиями в конкретном применении языка.

Когнитивисты рассматривают аттитюды как управляющие действия людей, направленные на постоянное производство мысленных оценок окружающей действительности. Их исследование позволяет увеличить результативность целенаправленной коммуникации.

По мнению сторонников дискурсивной психологии, когнитивисты так и не создали убедительной теории, объясняющей способы связи аттитюдов индивидуума, поскольку не учли их формирование в социальном взаимодействии. В то же время тот факт, что аттитюды просто отражают универсальные познавательные процессы и устойчивые ментальные структуры, опровергают изменения, присущие человеческому общению.

Когнитивный подход к исследованию групповых конфликтов строится на убеждении в существовании универсального психологического процесса, который их провоцирует. Его механизм состоит в том, что члены той или иной социальной общности оценивают окружающую действительность с позиции группы, с которой себя соотносят. При этом им свойственно считать членов своей группы лучше других и действовать в той или иной степени идентично группе.

С точки зрения дискурсивной психологии, межгрупповые конфликты обуславливаются социальным или историческим контекстом. Следовательно, ключ к пониманию межгруппового конфликта кроется в том, чтобы определить, что происходит с идентичностью людей, их оценками, восприятием и мотивацией, когда они взаимодействуют в группе.

В дискурсивной психологии считается, что при самокатегоризации люди отдают приоритет выражению социальной идентичности, нежели индивидуальной. При этом активизируются стереотипные представления о том, что значит быть членом данной группы. Дискурсивные психологи опровергают эту точку зрения. По их мнению, эту функцию выполняют

различные культурные факторы, влияющие на то, как человек категоризирует мир.

Важно отметить, что дискурсивная психология не едина. В ее составе выделяются три дисциплинарные направления:

1. постструктурализм, основанный на теории Фуко;
2. интеракционализм, основанный на этнометодологии и критическом дискурс-анализе
3. синтетизм, объединяющий достижения предыдущих отраслей знания.

Они различаются объектом изучения и подходом к его исследованию. Так, сторонников первого подхода интересует, «как люди понимают мир, как в определенных дискурсах создаются и изменяются идентичности, и каковы социальные последствия этих дискурсивных конструкций». Представители второго подхода изучают, «как посредством речи и взаимодействия людей формируется определенное социальное устройство». «В третьем подходе <...> объединяются интерес к тому, как дискурсы формируют субъекты и объекты, и то, как дискурс сориентирован на социальное действие в определенных контекстах взаимодействия. Внимание акцентируется и на том, что люди делают с их текстом и речью, и на том, какие дискурсы привлекаются в качестве ресурсов. Вместо понятия “дискурса” часто используется понятие *репертуара интерпретации* с тем, чтобы подчеркнуть, дискурсы являются гибкими ресурсами в социальном взаимодействии». Согласно Поттеру и Уэтереллу, репертуар интерпретации включает «хорошо распознаваемые группы терминов, описаний и отражений речи, часто сконцентрированные в метафорах или ярких образах» [Potter, Wetherell 1992: 90, цит. по: Филипс, Йоргенсен 2004: 169].

Вопросы для самопроверки

1. Что изучает дискурсивная психология?
2. Каковы предпосылки ее возникновения?

3. В противовес какому дисциплинарному направлению в психологии она возникла?
4. В чем отличия когнитивной и дискурсивной психологии?
5. Какие направления дискурсивной психологии вы знаете?

Задания для самопроверки

1. Проведите самостоятельный дискурсивный анализ коммуникативного взаимодействия, связанного с темой вашего исследования. Какими сведениями он обогащает результаты, полученные ранее? Совпадают ли полученные разными научными методами результаты исследования?

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ И. П. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Использованная литература

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: СЭ, 1990. – С. 136-137.
2. Ван Дейк Т.А. К определению дискурса:
<http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>
3. Горбунов А.Г. Дискурс как новая лингво-философская парадигма: учеб. пособие. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. – 56 с.
4. Касавин И.Т. Дискурс-анализ и его применение в психологии:
http://www.intelros.ru/pdf/disc_analiz_kasavin.pdf
5. Комарова З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учеб. пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 820 с.
6. Кэмерон Д. Разговорный дискурс. Интерпретации и практики. – Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2015. – 316 с.
7. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
8. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 224 с.
9. Стариченок В.Д. Большой лингвистический словарь. – Ростов н/Д: Феникс, 2008. – 811 [1] с. – (Словари.)
10. Филлипс Л.Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ: Теория и метод. – Х.: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2004. – 336 с.

Рекомендованная литература

Основная литература:

1. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс: Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. 224 с.
2. Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста: Стилль. Текст. Дискурс: Учебное пособие. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 125 с.

Дополнительная литература:

1. Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. 320 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 896 с. (Язык. Семиотика. Культура).
3. Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2 т. / Ю. Д. Апресян. 2-е изд., испр. М.: Шк. «Яз. рус. культуры»: Издат. фирма «Вост. лит.» РАН. Т. 1: Лексическая семантика: Синонимические средства языка. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры»: Издат. фирма «Вост. лит.» РАН, 1995. – VIII, 472 с.: ил., табл. Избранные труды: в 2 т. / Ю. Д. Апресян. М.: Шк. «Яз. рус. культуры». (Язык. Семиотика. Культура).
4. Арутюнова Н.Д. Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука, 1992.
5. Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2.
- Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5: Работы 1940-х-начала 1960-х годов. М.: Рус. слов., 1997. 731, [5]
6. Бенвенист Э. Общая лингвистика. 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2002. 446, [2] с. (Лингвистическое наследие XX века).
7. Булыгина Т.В. О границах и содержании прагматики // Изв. АН СССР ОЛЯ. 1981. Т.40. № 4.

8. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 776, [4] с. (Язык. Семиотика. Культура).
9. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. М.: Рус. слов., 1997. 411, [5] с.
10. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 176 с.
11. Вопросы стилистики. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998. Вып. 27. Человек и текст.
12. Вопросы стилистики. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. Вып. 28. Антропоцентрические исследования.
13. Гальперин И.Р. Избранные труды. М.: Высш. шк., 2005. 254, [2] с.
14. Гольдин В.Е. Этикет и речь. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978. 110, [2] с.
15. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М.: КомКнига, 2006. 103, [7] с.
16. Демьянков В.З. Прагматические основы интерпретации высказывания // Изв. АН СССР ОЛЯ. 1981. Т.40. Вып. 4.
- Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М: Гнозис, 2006. 376 с.
17. Долинин К.А. Практикум по интерпретации текста: (французский язык). М.: Просвещение, 1992. 160 с.
18. Жанры речи. Саратов, 1997. Вып. 1.
19. Жанры речи. Саратов, 1999. Вып. 2.
20. Жанры речи. Саратов, 2002. Вып. 3.
21. Жанры речи. Саратов, 2005. Вып. 4. Жанр и концепт.
21. Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
22. Жанры речи. Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
23. Жанры речи. Саратов, 2011. Вып.7. Жанр и языковая личность.
24. Жанры речи. Саратов; М., 2012. Вып.8. Жанр и творчество.
25. Жанры, типы и сорта текста. Вып. 1 Орёл: ОГИИК, 2004. 114 с.
26. Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып.2. Орёл: ОГИИК, 2005. 200 с.

27. Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 3 Орёл: ОГИИК, 2006. 310 с.
28. Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 4 Орёл: ОГИИК, 2006. 342 с.
29. Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 5 Орёл: ОГИИК, 2007. 378 с.
30. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. 2-е изд., стер. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 366, [2] с.
- Комарова З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 820 с.
31. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта, Наука, 2003. 840 с.
32. Левицкий Ю.А. Лингвистика текста: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2006. 207 с.
33. Лингвистический энциклопедический. М.: Сов. энцикл., 1990. 682, [6] с.: ил.
34. Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь: [б. и.], 1998. 199, [1] с.
35. Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: Слово в словаре и дискурсе. М.: Элпис, 2006. 836 с.
36. Матисон Д. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов. Харьков: Гуманитарный центр, 2013. 264 с.
37. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. 479 с.
38. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. 504 с.
39. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. 470 с.

40. Норман Б.Ю. Грамматика говорящего: научное издание. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. 229 с.
41. Седов К.Ф. Дискурс и личность. Эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. 320 с.
42. Сиротинина О.Б. Тексты, текстоиды, дискурсы в зоне разговорной речи // Человек – текст – культура. Екатеринбург, 1994. С. 105-124 с.
43. Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102-120.
44. Филиппов К.А. Лингвистика текста. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 336 с.
45. Филипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. – Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2004. 336 с.
- Человек и его дискурс. М.: Азбуковник, 2003. 368 с.
46. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: Икар, 2007. 480 с.
47. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. 132, [4] с.

Вопросы к зачету

1. Дискурсивный анализ как раздел лингвистики. Предпосылки возникновения. Центральные понятия.
2. Филологические и коммуникативные истоки дискурсивного анализа в истории лингвистики.
3. Определения дискурса.
4. Языковой и речевой аспекты изучения дискурса.
5. Дискурс и уровневая модель языка.
6. Дискурс и предложение, дискурс и высказывание.
7. Дискурс и речь, дискурс и коммуникация.
8. Текст, дискурс, диалог. Текстцентрический и процедурный подходы.
9. Письменный и устный дискурс.
10. Персональный и институциональный типы дискурса, их основные особенности и разновидности.
11. Минимальные единицы дискурса. Диалогическое единство. Прагматическая валентность.
12. Прагматические аспекты дискурса. Иллокутивный акт.
13. Речевой жанр, речевой акт, интенциональный компонент.
14. Классификации речевых актов по их иллокуции и по роли в целом дискурсе.
15. Конституциональные, порождающие, факультативные речевые акты.
16. Классификация речевых жанров. Первичные и вторичные речевые жанры.
17. Связность и цельность дискурса. Горизонтальные и вертикальные модели организации дискурса.
18. Микроструктура дискурса (когерентность, референция, пропозиция, иллокуция, анафора, тема / рема, порядок слов, главные / зависимые предикации, просодия предложения).

19. Макроструктура дискурса (топик, сценарии, схемы, фреймы, абзац, границы реплик в диалоге).
20. Информация в дискурсе, данное/новое, тема и рема, цепочечные и кустовые прогрессии.
21. Порождение и понимание дискурса. Кодирование / декодирование дискурса.
22. Уровни и этапы интерпретации дискурса. Типы дискурса по активности интерпретативной деятельности адресата речи.
23. Интерпретация художественного дискурса. Предметный, психологический, концептуальный уровни интерпретации.
24. ИмPLICITные смыслы в дискурсе. Текстовое, подтекстовое, притекстовое содержания.
25. Дискурс и национальная культура.
26. Универсальные и культурно-специфические типы и жанры дискурса.
27. Описание типов дискурса и речевых жанров через посредство семантических примитивов.
28. Дискурс и языковая личность.
29. Метатекст, сверттекст, гипертекст, интертекст.
30. Прецедентные тексты, их типы.
31. Методы анализа дискурса (логико-грамматический, коммуникативно-прагматический, психолингвистический, культурологический).
32. Социологический, формальный, когнитивный, экспериментальный, типологический подходы к анализу дискурса.
33. Дискурс как объект социального исследования.
34. Дискурсивная психология как одно из направлений дискурс-анализа.
35. Дискурсивная и когнитивная психология. Сходства и отличия.

Оглавление

Введение	3
Тема 1. Предпосылки возникновения дискурсивного анализа	5
Тема 2. История научного изучения дискурса	7
Тема 3. Дискурс как многозначное понятие	9
Тема 4. Коммуникация как одно из центральных понятий дискурсивного анализа	16
Тема 5. «Текст» и «дискурс» как понятия дискурсивного анализа.	41
Типология дискурса	
Тема 6. Дискурс как объект социального исследования	45
Тема 7. Дискурсивная психология как направление дискурсивного анализа	48
Использованная литература	54
Рекомендованная литература	55
Вопросы к зачету	59
Оглавление	61

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО